

М.ВЕЗЛАЕР

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МАЙОРА ЗВЯГИНА**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

Серия «Книги Михаила Веллера»

*Оформление обложки Александра Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»*

Веллер, Михаил.

В27 Приключения майора Звягина / Михаил Веллер. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 544 с. — (Книги Михаила Веллера).

ISBN 978-5-17-133855-8

«Приключения майора Звягина» — уникальная книга в истории русской литературы. Все несчастья преодолимы. Главный герой ее — может все! Он исправляет судьбы, выковывает победителей из неудачников, не знает препятствия и презирает любые жалобы. Этот роман не сходит с прилавков уже тридцать лет, переиздавался десятки раз, тираж достиг полутора миллионов.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© М. Веллер, 1991
© ООО «Издательство АСТ», 2020

«Делай что должен, и будь что будет».

Рыцарский девиз

«Надежда в Бозе, а сила в руке».

Надпись на клинке гетмана Мазепы

СВОЯ РУКА — ВЛАДЫКА

— Леня, ты совсем не интересуешься перестройкой, — упрекнула жена из-под вороха газет, в то время как телевизор сулил крушение Ленинграда по всем статьям вплоть до кислородного голодания.

— Да, — флегматично согласился Звягин, — я совсем не интересуюсь перестройкой. — Он перелистнул атлас кошек, изданный в ГДР, которая ныне уже не существовала. — Ты знаешь, чем отличается сиамская пуховая от сиамской короткошерстной?

— Ты аполитичен! — с негодованием констатировала жена.

— Я аполитичен, — кротко кивнул Звягин, любуясь кошачьим портретом.

— А в газетах пишут...

— Я знаю, что пишут в газетах.

— Что же?

— Все то же.

— А именно?

— Что жрать нечего. Что Союз разваливается. Что экономика впадает в столбняк. Что выгоны не разгружены, депутаты продажны, прошлое трагично, будущее мрачно, а вообще я не люблю коллективных неврозов.

— А что ты любишь? — поинтересовалась жена.

— Чтобы было интересно. И лечить людей. Первое — от характера, очевидно, второе — от профессии.

— А это тебе не интересно?! — и она, с характерными интонациями учительницы с двадцатилетним стажем, стала читать о благополучном пенсионерстве палача, пытавшего Вавилова.

— Я бы его убила! — с прямою звенящей юности отчеканила дочка, появившаяся в дверях.

— М-да? — зевнул Звягин. — И как же бы ты его убила?

— Расстреляла!

— Из чего? Из косметички?

Всклубился легкий семейный спор о преступлении и наказании, причем насколько агрессивна и непримирима была женская часть семьи, что школьница, что школьная учительница, настолько же добродушен и покладист был муж и отец семейства.

— Можно подумать, ты не носил офицерскую форму!

— Что выдавали, то и носил.

— Как ты можешь, с твоим равнодушием к людским страданиям, быть врачом!

— Легко и беззаботно. Тут главное — хорошо выспаться, — и Звягин поднялся с любимого дивана и проследовал в спальню. — Жду жену с первым дилижансом! — крикнул он оттуда.

Утром, вскочив бесшумно (разминка, душ, кофе — было воскресенье, и домочадцы отсыпались), он перелистал газеты, пробежал давешнюю заметку и задумался коротко: в глазах проявлялась улыбка угрюмая.

На «скорой», если воскресенье выпадает на середину месяца и погода приличная — чтоб меньше автослучаев, можно и расслабиться слегка: в свободное время, давно зафиксировано, людям реже требуется срочная медицинская помощь. Судачили — надоело:

— У «Гостиного» болгарские по три ре пачка — всегда...

— И чуть не сотня случаев по городу — потравились все этим узбекским виноградом.

— Продовольственные поставки в рамках джихада!..

— Я все понимаю, но почему шапок-то нигде нет!..

— И что поразительно: бензина нет — а автослучаев больше...

Выехали на вызов, шофер музыку врубил, фельдшер подремывал в салоне — молод, явно нажрался вчера, в субботний-то вечер, несмотря на дефицит спиртного; дефицит женщин ему, судя по темпераменту, слава Богу, не грозит.

— Гриша, — обернулся Звягин, — ты знаешь, что в старые времена говорилось: врач не стал врачом, пока не заполнил своими пациентами кладбище?

— То-то на кладбище очереди, — отозвался Гриша. — И это еще врачей не хватает.

Помолчав, Звягин ответил не совсем понятно:

— Каждому — свое место, — сказал он.

— И свое время.

— Точно, — сказал шофер.

Завизжали виражом под Охтинский мост.

— Увольняясь из ГБ, они меняли фамилии, — сказал Звягин, но на самом деле не произнес вслух, а лишь подумал. Любое лишнее слово нам ни к чему.

Отработав и вернувшись на станцию, плюхнулся в продавленное кресло под окном и скрестил вытянутые ноги: «Основы действий что? — план. Основа плана что? — информация. Основа информации что? — утечка на стыках. Податливые

звенья кто? — клиентура. Лучшая клиентура кто? — женщины, разумеется. Так, майор, а теперь проведем археологические раскопки в нашей богатой и замусоренной памяти».

Лишь через сутки, дома, облюбовав страницу в записной книжке, пухлой, как батон, и тяжелой, как граната, он набрал телефонный номер:

— Татьяна Ильинична? Доктор Звягин беспокоит. Как здоровье? Это в порядке вещей... Достанем, какой разговор... Нет, просто так, ничего не нужно. От чайку никогда не отказывался. Свободен. Завтра в семь, так точно.

Посвистел «Турецкий марш», позвонил еще раз:

— Саша? Слушай, есть разговор. Да, ты упоминал как-то... Не телефонный, безусловно. А чего откладывать.

Еще пара звонков, и он заходил по ковру взад-вперед, сунув руки в карманы и удовлетворенно хмыкая; хмык получался с каким-то металлическим холодным мурчанием.

— Я об тебя руки марасть не буду, — ласково пообещал кому-то Звягин. — Я тебя ножками стопчу. В пыль! Понял?..

Лицо его приняло выражение спокойной сосредоточенности, как у рулевого на штурвале, выцелившего точку курса на горизонте.

Татьяна Ильинична, отцветшая блондинка, принимала его в небольшой respectable квартирке — полуделовой, полубудуаре хорошо пожившей дамы.

— Какие цветы! Узнаю гвардию. Офицеры и джентльмены — это одно и то же.

Пили французский коньяк крохотными глоточками и цейлонский чай: говорили легко, с игривостью, на подтексте не существующего, но как бы не исключаемого флирта.

— Благодарю, — приняла она две упаковки регипнола. — Только хорошее снотворное может гарантировать хороший сон в наше время и в моем возрасте.

Звягин отвесил комплимент.

— Так чем могу отслужить в свою очередь? — осведомилась хозяйка с весомостью сильного человека, привыкшего выигрывать по правилам игр этого мира.

— Когда-то был я лейтенантом, — сказал Звягин, — и влип по молодости и невосдержанности языка в скверную историю.

— Где и когда это было? — быстро спросила Татьяна Ильинична.

— И мне крепко помог один человек из вашего ведомства.

— Вот не знала о ваших делах с госбезопасностью.

— Недавно я наткнулся на его фамилию в газете. Причем в отрицательном смысле.

— Кто ж сейчас положительно отзывается о КГБ.

— Поскольку по характеру своему я не люблю собак, пинающих дохлых львов...

— Порядочным офицерам это свойственно.

— ...я бы хотел именно сейчас поблагодарить этого человека, уже старика, пенсионера, за сделанное им добро. Чтоб не считал всех подонками. Не люблю сливаться с обществом.

— Узнаю ваши капризы... — сощурилась Татьяна Ильинична.

— Не люблю ничего недоделанного, — ответил Звягин.

— Кто желает, но не действует, тот плодит чуму. Не знаете, кто это сказал? Вильям Блейк.

— Мне бы ваше образование.

— Как его фамилия?

— Тогда его фамилия была Хват.

Она чуть шевельнула бровью.

— В звании полковника или подполковника, очевидно.

— О нем сейчас стало известно много неблагоприятного. Если правда то, что пишут, — преступного даже.

— Меня это не касается!

Отпили чай. Она задымила тонкой американской сигареткой.

— Но я не работаю ни в кадрах, ни в архиве, милый Леонид Борисович.

— Простите, если это невозможно — вопрос снят.

— Ну... вовсе уж невозможного ничего нет.

Звягин, отведя как бы в задумчивости взгляд, повернул лицо в наивыгоднейший ракурс, подчеркивающий резкость черт, квадратность подбородка и холодную прозелень глаз.

— Экий вы голливудский киногерой. Так бы и врзалась по уши... да с вами ведь это безнадежно.

Махнула рукой, рассыпала смех.

— Вы не торопитесь? Достаньте-ка во-он ту бутылочку из бара. А просьба ваша — какая ерунда, попрошу из отдела послать запрос. Послушай, Звягин, — перейдя на ты, взглянула с нагой прямоотой, — я тебе нравлюсь?

Звягин мурлыкнул металлически и звякнул бокалом.

«Захотелось мартышке любви со слоном, тут-то она и лопнула, — попомнил он детский анекдот, выходя из ночного подъезда. — Есть и другой анекдот: „Так что, и это не помогло, спросил у дамы парень в белом халате; ну, тогда вам и вправду нужно доктора; а мы кто? да бригада маляров, работаем тут..“ На что только не пойдешь ради торжества справедливости», — съязвил он над собой.

Второй вопрос решился гораздо проще; да в наше время ничего особенно сложного в нем нет.

Саша, интеллигентнейший хрупкий молодой человек, встретил его милой улыбкой и рукопожатием тонкой маленькой руки — деревянными тисками каратэиста; Звягин с трудом пережал эту ручку и удовлетворенно крякнул.

— Мама только что спекла прекрасный торт. Торты — это ее слабость, хотя сейчас удовлетворять эту слабость все труднее, — словоохотливо и приязненно посыпал он. — Знаете, что такое торт «Горбачев»? То же, что наполеон, только без яиц, без сахара, без масла и без муки. Вы как — посидим на кухне или у меня?

Сели в его мужской комнате — квадросистема, книги, нунчаки.

— Ты говорил, что есть возможность кое-что устроить.

— В смысле?

— Время опасное.

— А. Пожалуйста. Что вас интересует?

— По-прежнему все есть?

— Ну, знаете, за гаубицу не ручаюсь, но насчет базуки, скажем, можно постараться.

— Ну, это чересчур.

— Баллончик «черемухи» — для вас двести пятьдесят. Фирменный немецкий — четыреста. Или хотите газовый пистолет? — две тысячи, маленький, легкий, выброс пятнадцать метров.

— Чуть бы понастоящему.

— Да вот как раз можно «Кольт-магнум 53». Три с половиной.

— Это ж слобой, тринадцать миллиметров.

— И прекрасно! Выкинет человека сквозь дверь на лестничную площадку.

— А грохоту?

— И прекрасно! Страху наведет.

— Пули с мягким кончиком?

— Не знаю этих подробностей. К нему пятьдесят патронов, по пять рублей штука.

— Что-нибудь скромнее. И компактнее, пожалуй.

— Так, может быть, макаров? Это возможно.

— А еще поскромнее?

— Ну, я думаю, спортивный вас не устроит?

— Хотелось бы чуть получше и посерьезнее.

— Гм. Так давайте определим, что вам требуется. Пистолет карманной носки, компактный, достаточно серьезный, без лишних эффектов. Патронов много нужно?

— В крайнем случае и обоймы хватит.

— То есть эта проблема снимается. Тем лучше... Вы ешьте торт, а то кофе остыл уже... подождите, я сейчас сварю новый.

— Не надо, обожаю прохладный.

Саша пожевал торт, чуть покрутил задумчиво подвижным, тонкой лепки личиком.

— Тогда, я думаю, вам вполне подошла бы «беретта» или что-то в этом духе.

— Подошла бы.

— Калибр 6,35, звук несильный, начальная скорость прекрасная, габариты и вес подходят, классическая модель, даже канонизирована в литературе.

— Пойдет.

— Хорошо. Насколько это срочно?

Звягин пожал плечами:

— Жизнь наша; обычный ответ на вопрос: «Когда должно быть сделано?» — «Вчера».

— Ну, у нас не социалистическое хозяйство. А серьезно?

— За недельку сможешь?

— Не уверен. Вот за три могу ручаться. А возможно и раньше. Понимаете, я ведь сам, строго говоря, этим не занимаюсь, только так, для друзей. А человек, который этим занимается, мой школьный друг, кстати, в одном дворе росли, вот как-то старые отношения и сохранились, мне он всегда все устроит, сам предлагает, он сейчас в отъезде, как только вернется, мы с ним свяжемся. Понимаете, Ленинград ведь, оказывается, главный перевалочный пункт, через который поступает из забугорья оружие для армянских боевиков. Поэтому есть возможность все доставать, но как бы не совсем регулярно. Да, так если в смысле цены, я всегда готов вам помочь.

— Сколько?

— «Узи» сейчас стоит семь с половиной, калашников — пять. Это, я думаю... а если будет что-то малотипичное — оно

дешевле, потому что патроны трудно достать, но если вас устроит всего одна обойма, но что-то вполне надежное, разумеется, — подойдет?

— Вполне. Но проверить надо.

— Естественно, качество — само собой.

— «Беретта», я думаю, должна стоять где-то от полутора до двух с половиной. А что-нибудь ушедшее с производства, но вполне в рабочем состоянии — браунинг номер два, три, скажем, или заур, или еще что, — могут и за одну по случаю отдать, с одной-то обоймой. К «узи», скажем, сейчас по пятьдесят рублей патрончик.

— Договорились.

— Как только что-то будет — я вам сразу позвоню.

«Вот зачем нужны доходы от частной практики — шпалеры покупать», — хмыкнул про себя Звягин.

— Как твоя челюсть? — спросил он.

— Спасибо большое, вроде нерв больше не беспокоит. Так что остаюсь вашим должником.

— А глушителями вы не занимаетесь?

— Оу, — Саша поднял руки, — это не по моей части. Глушители там запрещены законом, ведь честному человеку, равно как и полиции и армии, своей пальбы стесняться не надо, только для спецслужб, этого у нас даже не идет. Делают сами вообще, но вот тут, боюсь, я вам помочь не смогу.

— Да я знаю, — сказал Звягин, — так, на всякий случай.

По улице несло дивную питерскую промозглость, сумерки закручивались метлой, и, войдя в служебную проходную театра, Звягин отер с лица холодную тонкую влагу.

— Мне начальника реставрационных мастерских, — наклонился к стеклянному окошечку вахтерши, — Сыркова.

Она подняла очки от вязания:

— Местный его телефон знаете? — подвинула аппарат и протянула ему трубку. — Вроде был у себя.

Сырко, скандинавистый шкиперюга — лысина, бородача, свитер на груди лопается — сграбастал его, отодвинул, огладил любовно льдыстыми немигающими голубыми глазами, неожиданно-опасноватыми на рыжем добром лице.

— Ну, Ленечка, — рокотнул, — с чем пожаловал? Неужто просто так?

— Здор-рово, Владлен! Имя менять не собираешься?

— Только на водку!

В начальническом закутке за мастерскими Звягин поиграл бутафорскими мечами и пистолетами. Сырко спросил о семье, пыхнул голландским табчком, похвастался очаровательным тяжелым револьверчиком, сделанным под малокалиберный патрон:

— Хочу к нему еще цельную обойму сделать, — вывалил барабан вбок.

— Слушай, сделай мне автомобильный номер.

— Чего это ты? Банк грабить собрался?

— Да нужно.

— Сделать-то несложно... А на что он тебе? Ты что, Ленечка, никак с рэкетирами связался?

— Влад, — ну надо. Считай, пошутить над приятелем.

Влад пронизывал немигающе голубыми льдинками удава; рокотал:

— Забавно, Лешунька, этим я еще не занимался. Из интересу можно попробовать. А что, сам не можешь? Я объясню как, дам материалов.

— У меня так не получится. Лучше я вас лечить буду.

— А иначе уж и не будешь?

— Всяко буду, — улыбнулся Звягин, настраиваясь на его тон.

Влад выдул из легких ароматный сноп «Клана».

— И размеры уж, поди, с собой готовы?

Звягин протянул ему бумажку с чертежиком.

— Так. Ясно... Правильно... Ну, допустим... А номер тебе какой?

Звягин зевнул безмятежно:

— Еще не придумал. Придумаю — позвоню.

— Ладно, — обдал радушием Влад. — Уж если Звягин про-
сит — сделаем. Лучше настоящего. Но, Леня, я надеюсь...

— И не вздумай волноваться. Мое слово!

Дома у Звягина, несмотря на его неизменную доброжела-
тельную невозмутимость, что-то зачуяли: не то биотоки из
него какие-то исходили, не то угрюмая боевая улыбка проре-
залась то и дело в глубине глаз, как перископ подлодки.

— Похоже, и тебя достала действительность, — не без из-
вестной насмешки посочувствовала жена.

— Отнюдь. Я ее сам достану, — пообещал Звягин.

Вечером он достал с антресолей две коробки с фотогра-
фиями, весь семейный архив, и они втроем перебирали жел-
теющие реликвии кочевой биографии:

— Ой, папка! Какой ты был стройный лейтенантик, пря-
мо смерть гимназисткам.

Документную фотографию в повседневной майорской фор-
ме Звягин сунул в карман. «Правда, петлицы десантные. Но
ведь могут быть любые. Так, теперь осталось всего лишь найти
хорошего художника... не столько живописца, сколько — кого
надо. Ну, Таня-Танюшка, Татьяна трах Ильинична, уж не под-
веди, старая боевая лошадь... а то ведь повешу, на твоём же
крючке от твоей же люстры и повешу, недрогнувшей рукой и на
ненамышленной веревке... и хрен дознаются, вот что забавно».

— А теперь — вперед, хр-ромонogie! — скомандовал он
офицерским рубленным рыком.

— А?! — подпрыгнула жена.

Дочка захохотала, посмотрела на часы и пошла в туалет.

«А слесаришка мне, пожалуй, и не нужен. Разовый глу-
шитель можно и из чертежной бумаги склеить... или капуст-

ной кочерыжки вырезать. Эт мы сами с усами, сообразим... Кстати, насчет усов... усы? А что, сейчас каждый третий с усами... театральный магазин, или те же мастерские... только уже не Влад, нет».

Старая боевая лошадь Ильинична сработала первой, — и то сказать, ведомство серьезное:

«Березницкий Яков Тимофеевич, г.р. 1918, прож. г. Москва, Кутузовский пр., д. 84, кв. 19, т. 243-48-70. Пер. пенс. союз. зн.».

Яшенька, значит, ибн Тимофеич. Перпенс, значит. Аж союзного значения... нерушимый республик свободных... тресь — и в дамках. Я т-тя научу родину любить. Молилась ли ты на ночь, Дездемона. Понял, Миша? — вычеркиваю.

И в подтверждение вычерка протрещала телефонная очередь:

— Леонид Борисович? — милейший тенорок. — Ну, кажется, есть то, что вам нужно. Так что заезжайте, когда вам удобно. Но лучше не откладывать.

А зачем нам откладывать.

Звягин раскрыл блокнот и выбрал один из своих рабочих дней посреди недели. Вот накануне с Джахадзе или с Заможенко на этот день и махнемся, а фамилия в графике пусть останется. Билеты на «Стрелу».

...Из «Красной стрелы» он вышел отдохнувший, выпавшийся, весело-спокойный среди мрачноватого и суетного московского люда.

Клиент был на месте, это он знал, потому что вчера позвонили Березницкому, мягкий женский голосок из регистратуры его поликлиники, поинтересовались для уточнения, когда он последний раз проходил флюорографию.

Сдав сумку с кое-каким барахлишком, купленную на один раз в комиссионке, в камеру хранения, он спустился в метро и поехал на Кутузовский. Прошел по противоположной сто-